

PROSON

NR 2/ 2013

[353-367]

Д.О. Устрижицкая

Кгуки, Краснодар

Российский транзит и проблема перспектив

Russian transit problem and prospects

Key words: *society, modern Russian society, the typology of societies*

В 1991-92 гг. произошли события, которые послужили отправной точкой современных реформ: путч ГКЧП и распад СССР, Пятый съезд народных депутатов России и план радикальных реформ Б. Ельцина, либерализация под руководством «правительства реформ» Е. Гайдара (1991-1992)¹. В результате этих реформ через 20 лет в России сформировалась новая экономическая, социальная и политическая реальность².

Один из основных вопросов современного отечественного обществознания – это вопрос: К какому типу относится современное российское общество? Очевидно, что ответ на этот вопрос имеет первостепенное как познавательное, так и практическое значение, например, для практики политического управления страной.

¹ См.: Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова и др. М.: «Весь Мир», 2011. – С. 7.

² См.: М.К. Горшков, Российское общество как новая социальная реальность. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Ежегодник/ Отв. ред. М.К. Горшков. Вып.6. М.: Институт социологии РАН, 2007. 408 с. С. 3-11; Э.М. Андреев, Новая социальная реальность: методологические проблемы интегрального социально-философского и социологического анализа // Личность как субъект культурной политики в современной России Материалы Круглого стола на тему "Взаимоотношение личности и общества в условиях социально-экономической нестабильности" // Общество и право. 2009. № 5(27). С.21.

С точки зрения теории общественно-экономических формаций отечественное общество находится в крайне оригинальной ситуации – переход от государственного социализма к капитализму. Такой реставрационный переход в реальной практике социально-исторического развития не только не осуществлял, но и даже не прогнозировал. Следовательно, теория общественно-экономических формаций в том виде как она разрабатывалась до этого, должна быть критически переработана. Слабыми местами этой теории является недостаточный учет многообразия видов собственности, стремление редуцировать все виды собственности к одной. Другим слабым местом можно обозначить недоучет исторической конкуренции общественно-экономических формаций и возможности социально-исторического синтеза элементов разных формаций в одном социуме.

В результате социально-экономической и политической деконструкции СССР произошел переход к обществу, экономической и политической доминантой которого является государственный и олигархический капитализм. Социальным фактом является то, что современный отечественный капитализм является реставрационным, государственно-олигархическим, по двум основным видам собственности, преимущественно ориентированным на сырьевую ренту, в значительной степени коррупционным и криминальным, как по происхождению, так и по современному состоянию, в значительной мере полуфеодальным. В предшествующей теории общественно-экономических формаций недостаточно учитывалось, что любое государство и страна не существует в «чистых» рамках одной формации.

С точки зрения стадийной теории цивилизаций мы можем констатировать наличие индустриального общества с сырьевой экономикой. Поскольку это общество «смешанное», то в нем есть отдельные вкрапления как «продвинутого» - постиндустриального общества, так и элементы архаики.

Если с точки зрения стадийной теории цивилизаций прогноз может быть оптимистическим, так как все время речь ведется о переходе к «информационному обществу», «постиндустриальному обществу», то с

точки зрения циклической теории цивилизаций прогноз может выглядеть пессимистически. Например, можно допускать, что тот тип цивилизации и тот антропологический облик индивида, который населяет геополитическое пространство «Россия» исчерпал себя. В этом случае наличный культурно-исторический тип идет к закату, а на освобождающемся географическом пространстве поселится новый «кочевник», переселившийся на него то ли в ходе мирной миграции, то ли в результате глобальной войны за передел геополитического пространства. Этот сценарий вполне укладывается в существующие теории глобализации. «Западный проект» отводит России преимущественную роль как поставщика сырья и на практике он пока и реализуется. В глобальной иерархии «потребители», производители, поставщики сырья и аутсайдеры мы не аутсайдеры, но поставщики сырья. Конечно, в нашей стране существуют «зоны» индустриальной и модернизационной продвинутости, которые оставляют почву для оптимизма.

Политической идеологией и идеологией проводившихся на первом этапе отечественных экономических реформ стал либерализм. Поскольку реформе подвергалась экономика государственного социализма, то основной пафос либеральных реформ был направлен на реализацию идеи приватизации государственной собственности. Идеальной основой такой политической линии в 1970-е и 1980-е годы служили теоретические взгляды неоклассиков и неоавстрийцев. Главными знаковыми фигурами стали «официально» мировым сообществом манифестированные идеи Ф.А. фон Хайека, Дж. Бьюкенена и Р.Э. Лукаса о вреде «активного государства»³.

Фон Хайек провозгласил главной философской идеей своего проекта спонтанность социальных и экономических явлений. Государство объявляется главным «врагом» социальной спонтанности, искажает относительные цены, структуру размещения ресурсов, дезориентирует агентов. Идеальным отражением технологических возможностей и потребительских предпочтений провозглашается конкуренция и свободное ценообразование. Основным аргументом Бьюкенена является то, что всякое

³ См.: И.В. Розмаинский, «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике / И.В. Розмаинский // Вопросы экономики. № 9. 2006. С. 71–82.

государственное вмешательство реализует решения определенных чиновников, воздействия лоббирующих групп, что сводит к нулю его рациональность в экономике. Р. Лукас также подверг критике всякое вмешательство государства в экономику, так как такие действия предвидятся агентами, чьи ожидания формируются рационально.

Эти догмы законодателей моды мировой экономической мысли и их примитивное воплощение в практику российской экономики стали причиной политического волонтаризма. Ведь волонтаризм может проявляться не только в форме огосударствливания, но и в форме разгосударствливания (в данном случае как большевизм наоборот). Шокотерапевтическая политика правительства Е. Гайдара была также ангажирована зарубежными советниками и экспертами относительно стратегий трансформации плановых хозяйств в рыночные системы в 1980-х - 1990-е гг.

В настоящее время мы наблюдаем возврат в противоположность, современные критики политической экономии, социальные философы, политологии, посткейнсианские теории экономики вновь придают существенную роль государству в деле рационализации экономики. Теоретическая критика либерализма с точки зрения посткейнсианства⁴ (И.В. Розмаинский и др.) приводит к определенным обобщениям, имеющим не только экономическое, но и социально-философское значение. Существенным является то, что типологические характеристики современной экономической системы России обусловлены наследием и ролью государства. Основные институциональные характеристики современного отечественного капитализма - очень неэффективная государственная защита прав собственности и контрактов,

⁴ См.: И.В. Розмаинский, К формированию посткейнсианской теории государства // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=52722;>, И.В. Розмаинский, Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход/ И.В. Розмаинский // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Том 2 (№ 1). 2004. С. 59-71; И.В. Розмаинский, «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике / И.В. Розмаинский // Вопросы экономики. № 9. 2006. С. 71-82; И.В. Розмаинский, Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход/ И.В. Розмаинский // Вопросы экономики. № 6. 2009. С. 48-59.

высокие «официально-административные» и «неофициально-криминальные» ограничения доступа к различным видам экономической деятельности, а также низкая степень исполняемости законов и высокая степень их нестабильности. Все это рассматриваются как институциональная слабость современного государства. Для такой системы типичны большая роль различных олигархических и чиновничьих кланов в обеспечении принуждения к выполнению контрактов, а также низкая степень конкуренции, большая доля теневого сектора, фрагментация экономически-правового пространства и другие характеристики неэффективной институциональной среды. Среди стратегических недостатков такой системы можно назвать низкую склонность к долгосрочным инвестициям и инновациям, технологический застой, отсутствие экономического роста.

Основной выход видится на пути трансформации государственно-олигархического, криминально-бюрократического капитализма в рационально рыночный капитализм. Эффективность государства в этом случае заключается в создании соответствующей институциональной среды. Основные качества этой среды – создание равных возможностей для всех экономических агентов, справедливая судебная защита интересов и контрактов, отсутствие лазеек для неуплаты налогов.

Как оказывается, подобный экономический переход - движение к «институционально адекватному» государству зависит от интенсивности формирования гражданского общества в подобных экономических системах. Постепенное усиление контроля рядовых членов общества над деятельностью государственных должностных лиц и выработка стимулов к «дальновидности» у тех, кто приходит во властные структуры, могут в долгосрочной перспективе способствовать «отмиранию» институтов олигархического капитализма и их преобразованию в институты рыночного капитализма. Однако жесткое противодействие таким тенденциям могут оказать такие направления институциональной эволюции в условиях олигархического капитализма, как ужесточение политических ограничений, расширение прав различных элит, а также укоренение обычаев и традиций, благоприятствующих взяточничеству и

вымогательству. Опыт конца первого десятилетия XXI века в России и некоторых других постсоциалистических странах показывает, что подобные неблагоприятные изменения могут стать реальностью. В этом случае наша страна рискует быть обреченной на экономический застой с неэффективным государством, что будет прямым продолжением бюрократического социализма административно-командной системы СССР.

Таким образом, с точки зрения теоретической, роль государства в экономике не является однозначно отрицательной или однозначно положительной. Все определяется конкретными условиями и конкретными функциями государства. В случае современной России роль государства в экономике обусловлена рядом обстоятельств:

- Россия имеет обширные пространства с разреженной инфраструктурой и сетью поселений, суровыми природно-климатическими условиями, патерналистско-этатистскими традициями, северной энергоемкой экономикой, нерыночным характером развития значительных территорий;
- в условиях критического осложнения финансово-экономической обстановки государство играет главную роль в предотвращении дестабилизации;
- любые меры мобилизационного типа потребует концентрации на ключевых направлениях усилий, ресурсов, средств, человеческого потенциала, консолидации элит и нации в целом, политической воли, идеологического обеспечения, административных шагов;
- без гарантий и стимулирования со стороны государства невозможны также разрешение демографической ситуации в стране, сглаживание перекосов в межрегиональном развитии, диспропорций в размещении экономики и сверхурбанизации;
- геополитическое положение России, вопросы военной безопасности в условиях глобальной конкуренции за природные и сырьевые ресурсы также требуют сильного в военном отношении государства.

В конце 1980-х гг. Россия вступила в очередной этап своей модернизации, приведшей к широкомасштабной социальной трансформации, глубина

которой имела характер цивилизационного «сдвига». К середине 1990-х годов начали наблюдаться резкий спад базовых экономических показателей, фактическая деиндустриализация экономики, падение жизненного уровня населения, беспрецедентная зависимость от импорта и практически полная внешняя неплатежеспособность Российской Федерации.

В настоящее время Российская Федерация играет в мировой экономике роль экспортера сырья и импортера потребительских и инвестиционных товаров и услуг. Сырьевая модель экономического развития не может обеспечить ни высоких темпов роста благосостояния народа, ни макроэкономической стабильности, ни международной конкурентоспособности российских предприятий, ни национальной безопасности России. Ее недостатком также является вялый научно-технический прогресс, который только и может быть основным источником современного экономического роста.

Как указывают отечественные исследователи⁵, надо менять модель экономического развития и прекратить практически бесплатное кредитование западных стран, а начать вкладывать государственные средства в реальные активы, обеспечив отток спекулятивного капитала из России и заместив иностранные займы российских госкомпаний бюджетными кредитами. Это позволит без усиления инфляции инвестировать средства Фонда национального благосостояния в развитие российской индустрии. Можно вкладывать нефтяные доходы внутри страны, не провоцируя, а замедляя инфляцию. Для этого их надо помещать в высокотехнологичные отрасли; в создание компаний на высокомонополизированных рынках; в расширение «узких мест», порождающих структурную инфляцию; в отрасли, в которых улучшатся конкурентные преимущества в случае падения цен на нефть.

Один из выходов - «диверсификационная» модель развития российской экономики, возможности которой с учетом международной конкуренции очень ограничены. В высокотехнологичных отраслях мировой экономики

⁵ См.: Г.Г. Фетисов, Будущее российской экономики: экспорт сырья, диверсификация или высокие технологии? (Доклад) // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36256>
Опубликовано на сайте 09/09/2008.

доминируют ТНК, в трудоемких же отраслях с традиционной технологией Россия не может конкурировать с Китаем и Индией, имеющими огромные ресурсы дешевой рабочей силы. Кроме того, в этих и в «новых индустриальных» странах десятилетиями проводилась политика «догоняющего развития» с применением мер господдержки экспорта торгуемых продуктов. Япония и Южная Корея уже создали высокотехнологичную экономику. Начинают вторгаться в высокотехнологичные отрасли и китайские компании, пользующиеся мощной поддержкой государства. Поэтому возможности модели «догоняющего развития» очень ограничены.

Основной причиной неразвитости в России высокотехнологичного сектора стало создание множества технологических монополий, возникших из-за приватизации по отдельности звеньев «технологических цепочек» по производству готовых продуктов, особенно предприятий, находившихся в советскую эпоху в ведении разных министерств. Вместо межотраслевых концернов возникли сети из связанных технологически, но юридически независимых предприятий, генерирующие «инфляцию издержек». Поэтому необходимо стимулировать создание объединенных технологических цепочек в виде концернов и единых компаний.

Как отмечают некоторые авторы, если исходить из парадигмы «экономикс», в которой рассматривается наилучшее (с точки зрения максимизации суммарной прибыли и доходов индивидов) распределение ресурсов, то переход России к «высокотехнологичной» модели развития невозможен. Специалисты указывают, что если руководствоваться институционально-эволюционной теорией, в которой предприятия рассматриваются как развивающиеся и самообучающиеся организации, то возможности для мобилизационной модернизации еще есть. Политика государства должна быть направлена на создание инновационно активных российских вертикально-интегрированных корпораций. При необходимости государство должно само такие ТНК создавать, в том числе – на основе частно-государственного партнерства.

С. Хантингтон⁶ указывает несколько моделей модернизации: (1) вестернизация без модернизации, по такому пути пошли Египет и Филиппины; (2) модернизация без вестернизации, по этому пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, они модернизировались, не меняя своей идентичности; (3) догоняющее развитие, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы (Россия, Турция, Мексика и др.).

И хотя догоняющее развитие беспощадно раскритиковано, но иного пути, чем постепенная модернизация трудно придумать. Финансовой «подушкой безопасности» в этом случае остается экспорт энергоносителей, потому что Запад не заинтересован плодить себе конкурентов. Поэтому он будет развивать сотрудничество лишь в выгодных для себя сферах. В то же время, в настоящее время развитие производительных сил РФ, а значит и проведение инновационно-модернизационных реформ, невозможно с опорой только на собственные силы. Поэтому задача может заключаться очень часто лишь в том, чтобы заимствовать нечто за рубежом, но сделать это лучше. Кажется, экономический феномен Японии во многом заключается в этом. России предстоит быть готовой к реализации в таком партнерстве собственных целей и иметь для этого на руках достаточные козыри, в том числе политические.

Наконец, есть прорывные отрасли, в которых отечественный производитель может занимать первые позиции. Но, представляется, что без солидной государственной поддержки это не получится.

Итак, современный российский модернизационный проект определяется предпосылками самой российской истории, положением в системе глобального сообщества и разделением труда, задачами тренда, который она стремится реализовать. Российский модернизационный проект несет в себе сочетание следующих моделей:

- «сырьевая» модель как базовая;
- «высокотехнологичная» модель как сопутствующая и модернизационная;

⁶ См.: S.P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N. Y., 1996. P. 75.

- «цивилизационная» модель, как ценностный выбор и выбор образа жизни и средство перехода к новому культурно-цивилизационному проекту - «обществу знания»⁷.

Реализация суммирующей составляющей зависит от соотношения внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов и соотношения указанных моделей в практике политического и социального управления. Современное российское общество является в высокой степени стратифицированным⁸, существует большой разрыв в доходах верхних и нижних слоев, при наличии сравнительно малочисленного среднего класса. Такая социальная структура не может быть основой для полноценной стабильности. Поэтому достигнутая в настоящее время социальная устойчивость не может быть основой благополучного социума, так как она не обеспечивает не только социальной справедливости, но и социальную и экономическую динамику. Недостаточность такой социальной иерархии сказывается и в том, что неоправданными оказываются социальные ожидания многих россиян, особенно в связи с полнотой вознаграждения за качество труда. Тем не менее, оснований для проявления социального взрыва также пока нет. Главная задача видится в том, чтобы перевести сложившуюся устойчивость в динамичное состояние, связанное с модернизационными процессами, положительной экономической динамикой и развитием условий для самореализации граждан, как в структурах гражданского общества, так и в структурах профессионально-трудовой деятельности.

Внутри российского общества существуют различные субкультуры, характеризующиеся консерватизмом, традиционализмом, приверженностью модернизационным ценностям. В каждой из этих субкультур наблюдаются свои механизмы ретрансляции ценностей, социальных норм и политических установок, свои «опережающие» группы, выступающие в качестве генераторов установок. В то же время, не менее

⁷ См.: Экономика знаний и инновации: перспективы России / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2007.

⁸ См.: Ю.В. Арутюнян, О социальной структуре общества постсоветской России. // Интернет ресурс: <http://soc.lib.Ru>; В.А. Литвинов, Социальная стратификация и уровень жизни в современной России // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 176-180;

половины общества существует в рамках пограничных культурно-политических ценностей. Многие исследователи связывают общекритическое состояние современного российского общества с переоценкой традиционных ценностей идентификации. За последние годы оформилась тенденция переориентации значительной части общества на индивидуальные ценности, что некоторые исследователи характеризуют как «революцию ценностей». Особым фактором переходного состояния общества стала регионализация сознания в различных ее формах и проявлениях. Некоторые исследователи в этой связи прогнозируют распространение ныне наблюдаемых элементов регионализации массового сознания на социально-культурную этнокультурную сферу и предполагают наличие кризиса суперэтничности. Мы рассматриваем это как часть общего антропологического кризиса. Однако картина социального кризиса возникает в том случае, когда исследователи применяют традиционную классовую и стратификационную методологию. В то же время, цивилизационный и социокультурный анализ дают несколько иную оценку. В интенциях российского социума существует значительный модернизационный тренд, связанный с формированием рациональности постиндустриального общества.

Поэтому, оценки и выводы отрицательного характера, считающие, что возникший в России в результате проводившихся с 1992 г. либеральных реформ общественный строй не соответствует коренным интересам подавляющего большинства граждан и интересам развития страны являются оправданными, но они не являются доминирующими.

Существующий строй является «смешанным» обществом с элементами олигархического капитализма, либерального капитализма, социализма, интенций информационного общества, реликтов феодализма и варварского рабства. С точки зрения социальных интересов большинства российских граждан «идеальным» было бы осуществление синтеза положительных сторон прежней общественной модели, предоставлявшей высокие социальные гарантии, и наиболее весомых достижений современного западного общества, с его гражданскими свободами, эффективной экономикой и ответственным государством. Однако историческая

инициатива принадлежит модернизационному тренду, субкультуре интеллектуалов и деятелей информационной цивилизации. Они существуют в социальных мирах «параллельных» традиционным структурам и не отображаемых в картинах стратификации, ранжирующих социум по критериям богатство/бедность. Новая, более подвижная, более синергетичная социальная среда существует глобально в сетевой форме и является носителем новой рациональности, взламывающей традиционные структуры и создающей видимость социального кризиса и хаоса.

Сказанное не означает, что перестала быть актуальной задача повышения благосостояния большинства российских граждан, ибо это способствует различного рода социальным взрывам, в том числе и в виде террора, с другой стороны, происходит социальная деградация больших слоев населения, в том числе, и путем роста смертности, люмпенизации, роста потребительства, социального иждивенчества, наркомании, алкоголизма и пр. С нашей точки зрения, надо учитывать, что в современной России переход к высокостратифицированному капиталистическому обществу произошел в ходе шоковой терапии очень быстро. Поскольку коренным образом поменялась политическая ситуация и идеология, то возникла не революционная ситуация, а антропологический кризис, проявляющийся ярче всего в депопуляции.

Однако надо понимать, что решение большинства проблем возможно как попутная задача на пути модернизации и трансформации существующего российского общества в «общество знания». Технологический и социальный прорыв лежат в одном и том же направлении реформ. В качестве двигателя прогрессивных преобразований можно рассматривать субкультуру сетевого типа, соответствующую тенденциям и запросам информационного общества.

Мы согласны, что есть определенная связь между современной политической системой и типом экономики, но не изоморфная⁹. Но в

⁹ См.: В.Д. Виноградов, Современный тип российского общества: социальная структура и государственность. // Общество и власть: проблемы взаимодействия / Отв. редактор В.Д. Виноградов. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006; Бывов Л.Г. Империя: проблемы воссоздания // [http:// www.netda.ru/sborniki/ rustroj/rs-leontiy.htm](http://www.netda.ru/sborniki/rustroj/rs-leontiy.htm); Холодковский К.Г.

современной России сложилась корреляция «экономики трубы» и недемократического политического устройства – монополистического, бюрократического, олигархического, коррупционного в своей основе.

Верховная власть в России носит президентский, персоналистский, клановый, плебесцитарно-бюрократический характер. Реальная политическая власть является приоритетом высшей бюрократии (нескольких десятков человек) – ведущие деятели президентской администрации, важнейшие министры и губернаторы, верхушка партии власти, а также главы крупных государственных корпораций.

Бюрократия как основной способ осуществления верховной власти «сверху вниз», осуществляет свои полномочия административно-командным путем, что было характерно и для советской системы. Отсюда приоритет прямых, авторитарно-силовых действий в управлении. Такая система не способна к решению стратегически сложных, многоступенчатых, ранжированных задач, не способна к методам косвенного управления. Как отмечают исследователи, то, что называют «коррупция» является необходимым элементом функционирования этой системы, это механизм системы. Кадровый состав бюрократии селекционируется по персоналистскому принципу.

Демократический режим в современной России происходит свое становление и демократия существует в симулятивных, манипулятивных, параллельных и дружественных авторитаризму и бюрократии формах своего проявления. Олигархическая и плебесцитарная формы авторитаризма, опирающиеся на кланово-элитарную бюрократию, являются основной формой политической власти.

Существующая конституция и ее выполнение имеет в основном формальное значение. Реальным центром власти в течение ряда лет был едва упомянутый в Конституции технический орган – администрация Президента, возникли не предусмотренные ею институты (Государственный совет, округа, полпреды). Парламент, партии и гражданское общество фактически превращаются в некие симулякры, а

права и свободы, провозглашенные в особо защищенной усложненным порядком изменения второй главе Конституции, становятся все более декларативными. В то же время, существующая власть, Президент, особенно в предвыборный период принимают дополнительные усилия по демократизации власти.

Существующий строй является «смешанным» обществом с элементами олигархического капитализма, либерального капитализма и социализма. С точки зрения интересов большинства российских граждан, «идеальным» было бы осуществление синтеза положительных сторон прежней общественной модели, предоставлявшей высокие социальные гарантии, и наиболее весомых достижений современного западного общества, с его гражданскими свободами, эффективной экономикой и ответственным государством. В качестве двигателя прогрессивных преобразований можно рассматривать различного рода элиту. Российская политическая, экономическая и интеллектуальная элиты должны приложить все усилия для того, чтобы скорректировать развитие страны в направлении оптимизации курса социально-экономического и духовного развития страны. Вопрос конструктивности отечественных элит также пока остался без анализа. Хотя в последнее время наметился новый сценарий – «народного фронта», создаваемого вокруг «Единой России».

За рамками нашего анализа остались проблемы идеологии, духовной жизни, культуры, мировоззренческая проблематика. Более комплексный и всесторонний анализ еще ждет наших усилий. Потому что нереализованность экономических, политических, социальных ожиданий создает впечатление, что ведущим, а во многом и единственным рычагом и средством осуществления реформ и модернизации остается духовный фактор и социализация. Изменить образ жизни и культуру можно, лишь опираясь на рычаги социализации как ведущие, параллельно модернизируя экономику и технологию. К такой гипотезе приводят итоги проделанного исследования.

Summary

Annotation. Discusses typological characteristics of the modern Russian society. Modern Russian society «mixed» company with elements of oligarchic capitalism, liberal capitalism and socialism. From the point of view of the interests of the majority of Russian citizens, «the ideal» was the synthesis of the positive aspects of different models: high social guarantees, civil liberties, efficient economy, the responsible state. As an engine of progressive transformations can be considered a different kind of elite.